

Вологодское Книжное Издательство
1960

Борис Чулков совсем еще молодой поэт. Его первые стихи не так давно появились на страницах «Вологодского комсомольца». В лирических миниатюрах Б. Чулкова, согретых теплом большой человеческой радости, рожденной свежим восприятием, казалось бы, самых обычных будничных вещей, привлекает задушевная интонация, застенчивость и сдержанность влюбленного в мир лирического героя.

Так же застенчив и скромен сам Борис Чулков. Он родился в Вологде в 1932 году. Детство его было омрачено суровыми лишениями войны. Она ворвалась в семью, в еще не защищенное сердце впечатлительного мальчика, разбудив недетское чувство ненависти к фашизму, нарушившему безмятежное счастье молодости. Рано повзрослевшим вступал юноша в самостоятельную жизнь. Окончив среднюю школу, а затем I Ленинградский институт иностранных языков, он работает корректором областной типографии, преподавателем института, все свободное время отдавая поэзии, оттачивая «оружия любимейшего род».

«Щедрый дождь» — первая книга Бориса Чулкова. Стихи молодого поэта внешне мало связаны с дыханием современности. Но если глубже вчитаться, в них есть и раздумья современника, и воздух наших дней, и приметы времени, и самое главное — в них бьется сердце человека, влюбленного в жизнь, в людей, в свой родной край. Человек этот — лирический герой его стихов. Он зорко вглядывается в окружающий нас мир, чутко воспринимает его прелести.

Стих Чулкова непритязательно прост, бесхитростен. Он согрет теплом доброго сердца поэта. Хочется от души пожелать ему хорошего счастливого пути в поэзии!

Виктор ГУРА

* * *

Видишь — ивы входят в речонку,
в опрокинутые небеса;
видишь — ветер, упругий и звонкий,
клонит желтую спину овса;
видишь — тропка бежит через клевер
в чуткий шелест берез и осин —
это Север, родной твой Север,
что на целой земле — один...

ВЕЧНЫЙ
РАЗГОВОР

* * *

По звуку — в раковине море,
она и в доме им полна:
как на ее родном просторе,
в ней песня гулких волн слышна.

Учись, душа: в края какие
ты ни была б занесена,
Отчизной, Родиной, Россией
останься до краев полна.

ПАМЯТНИК

За бронзой памятника вижу бой:
лавиной лезут танки, бьют орудья,
и грудью их встречает рядовой
и падает, закрывши землю грудью.

И подняли солдата после боя,
поставили его на пьедестал.
Нет, не его — упорство то стальное,
с которым он Россию защищал!

* * *

Война стучалась в каждый дом,
война сидела за столом,
она была не канонадой,
так сыновьями без отцов,
невестами без женихов,
племянником без дяди.

Война ходила там и тут,
война взложила тяжкий труд
на плечи сирот, старых, малых;
в обледенелых городах
гнала стоять в очередях,
и в ветхих, рваных башмаках
нога по улице стучала.

Война работала сама —
она во многие дома
несла скупые извещения:
«В атаке смертью храбрых пал».
«В такой-то госпиталь попал».
«Тогда-то без вести пропал».
«В санбате умер от раненья».

Забор истопленный — война,
и дом нетопленный — война,
война и чахлый свет мигалки;
тот свет пошел, ой, как не в прок:
при нем готовя свой урок,
кой-кто и глаз не поберег,
а как потом их стало жалко!

И тем, кто видел, — не забыть,
и тем, кто слышал, — не забыть
всю боль, все беды, все несчастья:
война входила в каждый дом,
сидела с нами за столом,
и пусть она давно в былом,
ее забыть — не в нашей власти.

* * *

Хлебозавод особо уважаю:
там в воздухе не запах — аромат.
Лишь мимо прохожу — и вспоминаю,
как я бывал здесь много лет назад.

Тогда мальчишкой шел я через город
сюда, где долгожданный хлеб пекут,
ведь в детский возраст наш стучался голод,
костляв и лют.

Как часто, приходя, вдыхал я этот
ржаного хлеба теплый аромат.
Хотелось завернуть его в газету
и взять домой, где мать, сестра и брат.

Теперь мы хлеб не так уж жадно ценим,
как в те неизгладимые года,
но этот запах для меня священен —
и навсегда.

СТИХИ О БРАТЕ

О нем не забыли. О нем молчат.
Он умер, мой брат. Он умер, мой брат.
Когда он родился, я был так рад:
вот вырастет, думал, и будет — брат...
Но мало он жил: голод, холод, война.
В черствой земле могила темна.
Морозный ветер устал завывать.
Вернулись, а дома пустая кровать.
Его небольшая пустая кровать —
и плакала мать, плакала мать.
Но все же забыли, уже давно...
А он сегодня смотрел бы в окно
на птиц, на деревья, на зелень весны
и слушал бы вечный напев тишины.
Со мною бы рядом сидел за столом,
держа в день рождения стопку с вином...
Уже восемнадцать... Я только грущу
и в память о нем эти строки пишу.
А он, может, лучше меня б написал,
а он, может, лучше меня б поступал
и, может, не только б сидел за столом,
а мог бы с любимым потягаться умом,
и вышел бы парень — только держись...

Война

отняла

у него

жизнь.

Виню в этом деле лишь только ее;
она унесла его

в небытие.

Я помню, что все это было зимой —
в голодный холодный сорок второй.

А даты — не помню; чтоб их уточнить —
я должен сегодня об этом спросить.

Но нет, я не буду, нельзя уточнять:
еще не забыл я, что плакала мать.

* * *

Сегодня мне приснился странный сон,
сегодня мне приснился страшный сон
о том, что воздух был воспламенен,
а город был с лица земли сметен,
ис-пе-пе-лен.

Но лучше по порядку. Я стоял
на тротуаре, у большого зданья,
когда железный, тяжкий, как металл,
над самым ухом голос прокричал:
«Внимание! Внимание! Вниманье!»
И тон его уже изобличал,
что в нем гнездится скрытая тревога,
но он отчетливо, размеренно и строго
и очень кратко граждан убеждал
укрыться,
затаиться,
схорониться
в убежище, в метро или в подвал.
И вой сирены тут же вазвучал,
и он слова, казалось, подтверждал:
«Объявлена воздушная тревога!»

Еще сушилась на окне косынка,
цвели цветы, плескалась в небе синька,
на третьем этаже еще пластинка
несла кричащий джазовый мотив,
а люди — дыханье ватаив
и глаз еще кося на репродуктор,
рукой уже тянулись к пиджакам
и, встав из-за стола, оставив чай

и фрукты,
спускались вниз сквозь общий шум и гам,
щеки детей прижав к своим щекам...

Что было дальше — обойду молчанием.
Исчезнуть бы могло не только это здание,
а, может, и земля не собрала б костей,
и шар земной с миллиардами смертей
стал частью мертвого слепого мироздания...

Проснулся. Встал. Дышу. Хожу. Живу.
Как страшен сон... Не правда ли, он странен?
Как хорошо, что все — не на яву,
что не убит никто, никто не ранен!..

Пускай такие сны не часто людям снятся,
пускай кошмары эти их не дают...
Но если снятся все ж... пусть действовать
заставят,

чтоб в будущем никто не думал:
«Где подвал?»,
а после всех трудов спокойно отдыхал
и снов таких ни разу не видал,
чтоб спал,
спокойно спал.

* * *

Кто никого в свой майский сад
не хочет пропустить
и людям то, чему он рад,
не хочет подарить, —

тот все равно всегда грустит,
и дни его пусты,
пускай он даже и растит
прекрасные цветы.

Увидит как-нибудь сосед,
взглянув из-за кустов:
хозяин бродит стар и сед
среди вянущих цветов.

ЦВЕТЫ

В оранжевой оранжерее
цвели махровые цветы;
они, манерно выгнув шеи,
друг с другом были не на «ты» —
они под соусом елзя
несли друг другу сплетни — злее,
чем их искривленные рты.

А на дворе, где снег уж таял,
где воздух — чище и ясней,
подснежников шумливых стая,
друг дружку просто окликаая,
смеялась солнцу и весне.

* *

Минорно был настроен он на зиму —
наш мир земной,
тому виною был суровый климат —
морозный, злой.
Но вот теперь, когда не за горами
лучи весны,
зима и снег со всеми их дарами
совсем смешны.
Уж отвергает всю эту банальность
и слух и взор.
Маэстро, дайте новую тональность —
мажор!

ЗВЕЗДЫ

Уже сгорел на западе закат,
и нежно влажным стал притихший воздух;
на небе беспорядочно торчат
безграмотно расставленные звезды.

Подержанную сказку, будто бог
все это создал, повторять не будем:
и Млечный путь и тысячи дорог
о большем говорят сегодня людям.

Они зовут их яркостью своей
в бездонность грандиознейшей вселенной...
Когда-нибудь моторы кораблей
их унесут от Родины священной.

От нашей старой матери Земли,
где мило все: поля, болота, кочки, —
и им она, летящая вдали,
покажется лишь крохотной точкой.

Мы доживем — и я, и он, и ты:
наш современник в космос дверь откроет.
Во имя этой вековой мечты
и стоит жить, и петть сегодня стоит...

* * *

Апрель. Тепло. Земля дымится.
Растаял снег уже давно,
и веткой тополя стучится
оживший сад ко мне в окно.

Как рыба, ходишь бессловесен
и неменяем, как во сне;
но семена грядущих песен
уж набухают в тишине.

* * *

Будто верная мысль:
«Неоткрытое будет открыто»,
а поглубже взглядишь —
кем и чем —
ведь совсем
не раскрыто.

Это стоит трудов
и ночного бессонного бдения,
это стоит годов
дерзких поисков, риска, терпенья.

Это стоит натруженных спин
в деревнях, в городах и в столицах,
это стоит морщин
на усталых, но радостных лицах.

Честь открытия — всем.
Все мы близим желанные сроки.

Чем?

Да всем!

Кто

чем

может,

всем-всем!

Может быть, даже тем,
что сейчас я пишу эти строки!

ТВОРЧЕСТВО

На досуге копают клумбы,
радиолы спешат включать,
мне ж хотелось
попасть в Колумбы,
мне Колумбом хотелось стать.

Разъясняли мне: «Все открыто,
каравелла — музейный скелет,
над Колумбом — могильные плиты...»
Только я не смирился, нет!

Часто мнится, я вижу берег
(Все наверх! Выгружаться пора!)
Каждый день я ищу Америк
на конце своего пера.

* * *

С прекрасной скрипкой обручен,
смычок всю радость видел в этом
и, как Ромео, был влюблен
в свою певучую Джульетту.

Когда ее он целовал,
подобно юноше, несмело, —
в ней тихий трепет возникал,
ее душа от счастья пела.

* * *

Неправильно название «натюрморты»!
Кто выдумал его, тот просто слеп.
Он на столе, по-моему, не мертвый —
ржаной, здоровый, сочный, толстый хлеб.

И носят жизнь в земном и зримом теле,
опровергая тлен, костлявость, мрачность, —
и лука свеже-яростная зелень
и пива буро-пенная прозрачность.

И отпевать и хоронить их рано;
их сок еще в артерии нам брызнет —
всегдашний, неумный, неустанный, —
простой рецепт продленья нашей жизни.

А то — мертвы! Когда, какой чудак
решил присвоить им название мертвых?
К лицу ли нам смотреть на вещи так,
как выдумавший эти «натюрморты»?

Смотрите все на всё, что есть вокруг,
с прищуренным и пристальным вниманьем.
Хвала живым плодам земли и рук,
плодам труда, умения и дерзанья!

РАБОТА

Пила? Она пришла не плакать —
звенеть забором звонких зубьев.
Ну а топор? Он крепко кричал,
врезаясь в сырь поленьев грубых.

Кора — та всхлипывала прямо,
когда у ней взрезали жилки,
и, словно дождь, двумя ручьями
текли белесые опилки.

Со лбов стекали струйки пота,
спускаясь вниз потоком плотным,
и липла жаркая работа
к рукам, мозолистым и потным.

Когда же солнце, цвета крови,
шабашило и опускалось,
от баррикады грузных бревен
пустое место оставалось.

ГОРОД В ПРОШЛОМ ВЕКЕ

С домами, редко где большими,
подержан, прежен и смешон,
он был приземист и прижимист,
он был продажен и прожжен.

Он торговал и тараторил,
он мелко тряся над мошной,
грузился в барки, гнал их к морю,
тяжелый, потный и большой.

Он пил и пел, он полз и падал,
валился в пыль, вставал и пил
и за церковную ограду,
как в кровный дедов дом, входил.

Сидел в суде, служил в соборе,
спускал суда, на все мастак —
купец, подрядчик, вор на воре,
мастеровой, бурлак, босяк.

Лобзал лобастые лабазы
и лебезил, елейно лъстя, —
в жару — раздевшись до отказа,
в мороз — от шума шуб свистя.

С домами, редко где большими,
подержан, прежен и смешон,
он был приземист и прижимист,
он был продажен и прожжен.

Все это было, только сплыло
все то, о чем я написал.
Я не видал того, что было,
и очень рад, что не видал.

* * *

— Какая ты ленивая, вода!
Ты в берегах почиешь дни за днями.
К тебе, надежно скрытой за холмами,
и ветру не добраться никогда.

— Ты говоришь, ленива я, вода?
А чья же сила и плоты таскала,
и корабли огромные качала,
и лопасти больших турбин вращала,
чтоб током наливались провода?
Не верь же, что ленива я, вода.
Ленивой сделал пруд меня, когда
в него я волею случая попала.

* * *

О чем шепталось море с сушей
на языке полночных волн?
Послушай. Выйди и подслушай,
чем разговор их вечный полн.

О чем звезда звезде сигналил,
когда за далью не слышать?
Луны мигающий фонарик
что́ хочет людям передать?

Кого окликнул гром спесиво,
румяный, зычный великан,
густым дождем, как пенным пивом,
в дрезину, в доску, в стельку пьян?

Какой там слух в саду столетнем
между деревьями прошел?
О ком еще, какие сплетни
стволу рассказывает ствол?

Учись внимать им не впустую,
учись смотреть на них не зря
и понимать их речь простую
без словаря.

* * *

Вечер беден, застенчив и прост.
Ночь — богаче: у ней до рассвета
есть и мелочь серебряных звезд
и луна, золотая монета.

Но со щедрым сияющим днем
не сравнится ничто во вселенной:
мы в руках у него узнаем
солнце — золота слиток бесценный,

* * *

Народ наш смелый видел виды.
Пример: зайдет знакомый вдруг,
и на вопрос: «Откуда, друг?»
ответ: «Вчера из Антарктиды».

А завтра будут не смешны,
а чуть ли даже не обычны,
слова, что сказаны не зычно,
а даже скромно: «Я — с Луны».

ВРЕМЕНА
ГОДА

* * *

Когда сыновей на рассвете
весна привела на старт,
то первым ее эстафету
понес самый старший — Март.

Но он продвигался вяло,
блуждая в полях без дорог;
и снегом его засыпало
и ветром валило с ног.

Когда уже грело крепко
и звякала с крыш капель, —
на самом затылке кепка —
по лужам бежал Апрель.

Бежал — и мир встрепенулся,
кричали грачи о весне;
бежал — и вдруг поскользнулся
как раз на тридцатом дне.

Упал — и не может встать он
под гомон пернатых стай,
но тотчас на голос братнин
откликнулся младший — Май.

**И брат, заменивши брата,
пошел на асфальт площадей —
свидетель знамен, плакатов
и первых теплых дождей.**

МИР ВНОВЬ

Мир вновь глазам своим поверил,
что — весела, светла, ясна —
в его распахнутые двери
вбегает юная весна;

весна, которая хлопочет,
чтоб дали не были тесны;
весна, которая не хочет
увидеть черный дым войны;

весна, которая желает,
чтоб солнце дольше не зашло
и чтоб в прохладный вечер мая
вместились нежность и тепло;

чтоб цвести цветам, чтоб песням петься,
чтоб настежь — душу и окно,
чтобы тянулось сердце к сердцу
и два — забились, как одно.

И мир не может не поверить,
что будет жизнь его ясна:
к нему в распахнутые двери
вбегает юная весна.

В АПРЕЛЬСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

С утра до вечера
день —
радужный,
нет
ни слякоти,
нет
ни стужи,
и детский кораблик бумажный
видишь в луже.
Вон солнце —
на всем:
на автобусах,
на людях,
на посуде
в витрине.
Давай распахнем пальто!..
Весна —
это, по-моему, то,
чем
должны
жить
люди —
вчера,
завтра,
ныне!

ОДА ДОЖДЮ

Солнце не струилось сквозь листья, сквозь ветки,
не ласкало, глядя, башен, крыш, голов;
солнце было птицей, пленной птицей в клетке,
в наглухо закрытой клетке облаков.

Утро было грязным. Гряды стали тестом;
засучивши руки, дождь его месил;
и казалось, в мире не найдется места,
где бы он не побыл, где б не наследил.

Небо было вязким, непроезжим, топким,
как в глухую осень захолустный путь:
хоть бреди дорогой, хоть иди по тропке —
чуть не по колено можно утонуть.

На одной из улиц, в хмуром, сонном зданье,
плачущие окна тронувши рукой,
кто-то так промолвил: «Слушай, перестань, а?»,
кто-то молвил этак: «Слушай, дальше крой!»

Никому не внемля, с поднебесной выси
шел, струился, падал, изливался, лил, —
волен, суверенен, резок, независим,
до конца, до точки, до потери сил.

Обходясь без молний, обходясь без грома,
он касался лысин мчавшихся машин,
он их мыл и драил, ярый, неумный,
после — добирался до колес и шин.

Проливной, тяжелый, мощный, сильный,
плотный,
он был работягой, он рабочим был.
Дай природе деньги — так она охотно
заплатила б столько, сколько б запросил.

Вес и звон имел он, шумный, полновесный;
жажду утоляя, свежестью дыша,
он хлебам был нужен, он был нужен песне, —
с ним она не ссохлась и еще свежа.

Если б я, негромкий, так умел трудиться,
чтоб в стихах был тот же вес, и шум, и звон,
если б так же полно мог и я излиться,
как излился щедрый, вечно юный он!

РАДУГА

Семью цветами вспыхнувшая ярко,
она казалась триумфальной аркой.
Но для кого построена она,
где личность, что пройти под ней должна?

Над городом вися косою верстою,
она казалась конскою дугою.
Но где же конь, хомут и удила,
которым бы она подстать была?

Повернутая к небу полукругом,
она казалась исполинским луком.
Но где же тот стрелок и стрелы где,
чтоб выстрелить по солнцу иль звезде?

ДЕНЬ В СТОЛИЦЕ

Асфальт перерождался в мягкий воск,
и каблуки печатали в нем фразы,
а там, где был с газетами киоск,
они столпились целым стадом сразу.

Я просто так шатался, без конца.
Шатался так. Без цели, без причины.
И мчалось отражение лица
на стеклах не одной автомашины.

Под скрип подошв, шуршание колес
я растворялся в городе закатном.
Он был — как восклицанье, как вопрос, —
огромный и почти невероятный.

Я, может, и не встретил никого,
а может быть, кого-нибудь и встретил,
но этот день — прославить бы его
за то, что был он так лучист и светел!

* * *

Пускай уж гроза, громыхая,
сломает цветы по садам,
чем, вдаль стороной пролетая,
ни капли не сбросит хлебам.

АВГУСТ

Звезда далекая мигает
огнем неоновым во двор:
в тепле — и ночью — созревает
и огурец и помидор.

Над задремавшим огородом
стоит глухая тишина,
и, как тарелка с желтым медом,
повисла круглая луна.

ОДА ГРИБАМ

Я думаю, лес — это целая повесть,
роман, с увлечением написанный кем-то.
Бродить и бродить бы в затишии, то есть
под этим зеленым развесистым тентом.

На юге, быть может, сейчас апельсины,
быть может, лимоны, бананы, быть может,
а здесь замечаешь лишь гриб под осиной,
но, скромный, он мне апельсинов дороже.

Исканье грибов — это просто поэма,
где строчки растут под сосной и осиной,
где целые главы и целые темы
припомнишь потом, разбирая корзину.

Но лето кончается. Голое поле
вплетается в ткань облетающих листьев.
Сентябрь, что сидит на холодном престоле,
все чаще нам шлет непогоду и мглистость.

Грибы отмирают — без крика, без боли,
но в полднях какой-то ласкающий хмель есть;
и сивая осень уж пляшет в раздольи
и ржет под рыдающий лиственный шелест.

Я знаю, что лето лесное — шумнее,
я знаю, что осень — багряней и тише,
но вот описать это — много труднее,
но вот описать это — вряд ли опишешь.

Но я доказал бы, с кужанином ссорясь,
что юга милей мне чащобы и кочки...

Я думаю, лес — это целая повесть.

А эти грибы — стихотворные строчки.

* * *

Хороший август. Щедрая земля
вознаграждает труд людей сторицей.
Светлы на небе краски, и река
не ежится в предчувствии мороза.

Засмотришься в распахнутые полдни,
в сияющие поздним солнцем дали,
и так легко, когда раскрыта дверь
навстречу ветру, свету и прохожим...

БАЗАР

Здесь нет того, что хило, дрябло;
здесь летом видите вокруг вы
и груды краснощеких яблок,
и кучи желтопузой брюквы,

и молоко в больших бидонах,
и сочный праздник спелых ягод,
и богатырский лук зеленый,
что запасен как будто на год,

и уйму алых помидоров,
и тыквы толстую породу —
все то, что зрело на просторах —
в полях, в садах, на огородах.

Есть ли такие, кто не рады
и осязать и видеть это?
Базар разлегся щедрым складом
теплом наполненного лета.

* * *

Октябрь. Как будто чаши — молоком,
долины переполнены туманом,
и, словно у разбитого корыта,
стоишь у груды ржаво-рыжих листьев.

Последний лист трепещется, как рыбка,
попавшая в мережу рыболова,
и осень, как русалка в темный омут,
глядит во тьму, глядит во мглу и мрак.

* * *

Река — уже точно, что стала,
окована панцирем льда;
и, как работяги, устало
на ней позаснули суда.

И, впаянным северной стужей
в ледовый покров до весны,
им даже и якорь не нужен
до первой весенней волны.

Им спится. Конечно, им спится.
И как им без дела не спать?
Ведь первые только страницы
успела зима пролистать.
Им спится. И многое снится,
и много им снов увидеть.

Им снится последняя льдина,
распахнутый водный простор,
опять перевозки, путина
и четких машин разговор,

и зябкость ночная, и бакен,
и льнущая к вахтенным сонь,
и слева по борту во мраке —
зажженный на встречном огонь;
им снится и белая пена,
что винт оставляет в волнах,
и запах от свежего сена,
что сушится на берегах;

и где-нибудь там в Междуречье,
а может, под Тотьмой самой —
негромкая песня под вечер
над тихой широкой водой...

ЗИМА

Зима? Прекрасно, что зима!
А в чем она заключена?
В снегах, облапивших дома
и образующих холмы.
Но разве в этом вся зима?
Но все ли здесь черты зимы?
Зима — мороз, зима — метель.
Зима — в сугробе тонет ель.
Зима — седой и свежий сад,
где ветры резкие трубят.
Зима — зеркальный бег коньков,
Зима — дорога звонких лыж,
и если ты на них стоишь, —
бежишь в поля, в простор снегов:
к реке, сквозь лес, на холм, с холма.
Зима! Прекрасно, что зима!
Пусть дорога вдаль летит,
пусть машут сосны вдалеке!
Зима, конечно, говорит
на звучном русском языке,
и только русский человек
способен, не сходя с ума,
сказать, увидев первый снег:
«Зима? Прекрасно, что зима!»

* * *

Полночный город нем,
услышать звуки трудно;
на улицах совсем
светло, бело, безлюдно.

Лишь в чуткой тишине
пройдет прохожий редкий.
Луна, мороз и снег,
и серебро на ветках.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Падает
снег.
Падает.
Снег —
без конца,
без края.
Радует
это?
Радует!
Радует, —
я не скрываю.

Валится
снег.
Валится.
Чистый,
серебряный,
нежный.
Нравится
это?
Нравится!
Нравится
вечер
снежный,

Кружится
снег.
Кружится
в зимней
негромкой
пляске.
Чудится,
вдруг
чудится:
словно
ты в детстве,
в сказке...

* * *

Широкий ветер льнет к тебе:
«Ну где мороз, метель?
Смотри: сегодня оттепель,
капель, капель, капель!»

В дому запахло сыростью,
течет со стен в сених,
а день успел повырасти
аж прямо на глазах.

Январь. Кончатся месяцу.
Тут жди крутых ветров,
но челки снега свесились
на темени домов.

Закапало, забулькало,
запело все кругом.
Прозрачными сосульками
украшен каждый дом.

И солнце — золотистое,
глаза опять слепит
и миллионом искринок
в сосульках свет дробит.

Январь. Кончатся месяцу.
Тут жди — мороз как даст!
Ан нет — не вьюга бесится,
а тает снежный наст.

Забулькало, закапало,
не хочется под кров,
пахнуло сотней запахов
с полей, с дорог, с дворов;

и лужи разливаются,
и черен тротуар...
Забудешь, что зима еще,
еще ее разгар;

и ждешь, вот-вот пернатые,
из-за моря прибыв,
взволнованно, раскатисто
засвищут свой мотив.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЬДИНА

Последняя льдина уходит,
последняя льдина плывет;
смотря на бурлящую воду,
ее провожает народ.

Уходит последняя льдина,
последняя льдина уйдет —
и Север под крик журавлиный
неяркой красой расцветет.

В цветах заестреют покосы,
поляны, пригорки, холмы...
Последняя льдина уносит
последний осколок зимы.

СОДЕРЖАНИЕ

Видишь — ивы входят в речонку	5
Вечный разговор	
По звуку — в раковине море	9
Памятник	10
Война стучалась в каждый дом	11
Хлебозавод особо уважаю	13
Стихи о брате	14
Сегодня мне приснился странный сон	16
Кто никого в свой майский сад	18
Цветы	19
Минорно был настроен он на зиму	20
Звезды	21
Апрель. Тепло. Земля дымится	22
Будто верная мысль	23
Творчество	24
С прекрасной скрипкой обручен	25
Неправильно название «натюрморты»	26
Работа	27

Город в прошлом веке	28
«Какая ты ленивая, вода...»	30
О чем шепталось море с сушей	31
Вечер беден, застенчив и прост	32
Народ наш смелый видел виды	33

В р е м е н а г о д а

Когда сыновей на рассвете	37
Мир вновь	39
В апрельской тональности	40
Ода дождю	41
Радуга	43
День в столице	44
Пускай уж гроза, громокая	45
Август	46
Ода грибам	47
Хороший август. Щедрая земля	49
Базар	50
Тополы	51
Октябрь	52
Река — уже точно, что стала	53
Зима	55
Полночный город нем	56
Зимняя песня	57
Широкий ветер льнет к тебе	59
Последняя льдина	61

